

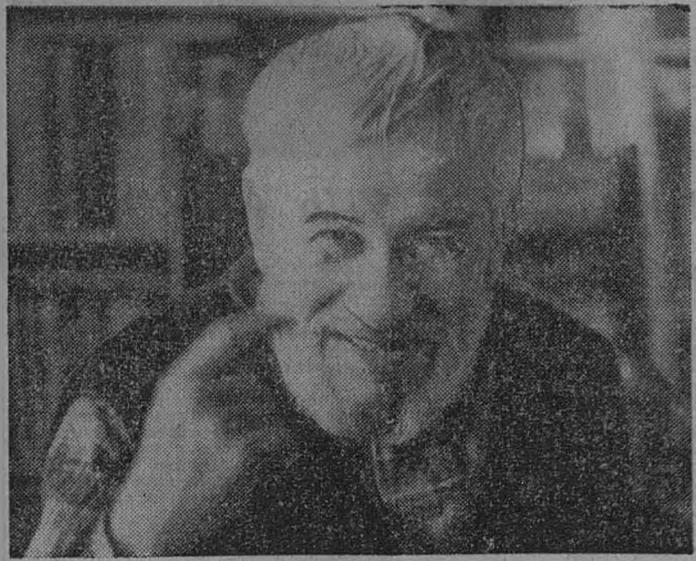
— Марк Маркович, поздравляю вас с восьмидесятилетием!

— Спасибо, спасибо!

— Мне тем более приятно это делать, что и через многие годы помню прекрасные вечера классической музыки в старом здании филармонии на улице Свердлова.

— Вы имеете в виду лекции, концерты?

— Да. Я приехала в Горький, как, впрочем, и многие мои соученики по университету, из города, где в те годы не было филармонии. Вообще не было возможности более или менее систематически знакомиться с музыкой. И вот в том на удивление уютном для общественного заведения концертном зале мы с вашей помощью открывали для себя, как говорится, волшебную страну — мир музыки. И фамилию Валентинова, Марка Марковича Валентинова, лектора-искусствоведа филармонии, мы, студенты, узнали почти одновременно с именами любимых наших университетских учителей. Так что спасибо вам и музыкантам, конечно, — я думаю, моему поколению горьковского студенчества повезло. Это были поистине замечательные вечера.

ПОВИНУЯСЬ МУЗЫКЕ

— Что ж, значит, я не зря занимался своим любимым делом. Долгие годы. Не зря прожил свою жизнь. В конце концов, каждый думающий человек должен к этому стремиться — к плодотворному и осмысленному существованию в этом мире. Для меня таким делом, ответственным, но любимым, стала музыка, ее пропаганда среди самых широких кругов слушателей. Хотя за долгие годы жизни приходилось заниматься самыми разными делами, все они, надо сказать, были связаны с музыкой, театром, с вопросами культуры.

— Очень хотелось бы услышать примеры из вашей широкой художественной, просветительской деятельности!

— А мне вот любопытно, что же все-таки запомнилось вам особенно из тех филармонических программ, за которые — не считайте неспроста — я имею такую вот запись в характеристике Горьковского городского лекционного бюро и отдела культурпросветработы горисполкома. Читайте: «Тов. Валентинов М. М. впервые в городе Горьком ввел форму лекций-концертов».

— Я помню, как просто, доходчиво, с вдохновением, окрашенным душевностью, рассказывали вы нам о трагическом величии Шестой симфонии Чайковского, о восточных мотивах в творчестве Римского-Корсакова, о непостижимой гениальности музыки Бетховена. Говорили с какой-то особой любовью по отношению к каждому маэстро, и все же, думается, у вас, как у каждого человека, чувствующего музыку, есть самые дорогие имена.

— Из русских композиторов больше всего люблю музыку Рахманинова. Его мужественная лирика подчиняет слушателя своей воле, заставляет его думать и чувствовать так, как того хочет композитор.

Гениальна музыка Чайковского, столь глубоко волнующая нас! Помню, как-то после исполнения в лекции-концерте его Первого концерта для фортепьяно с оркестром ко мне подошел один рабочий. Поблагодарив за доходчивый рассказ о музыке, он рассказал, как в свое время в госпитале эта музыка помогла ему собраться с силами и полной грудью вдохнуть жизнь, ускользнувшую было из его израненного тела. Нового он ничего не сказал, но подтвердил еще раз мысль, которой я твердо держусь: душа человеческая открыта прекрасному, открыта настоящему искусству.

А романтик Шуберт! — Его «Неоконченная симфония» — на все времена.

— Обидно сознавать эту несправедливость, но для современников талантливейший музыкант был просто какой-то Шуберт. Разве не трагедия художника?

— Значит, во все времена можно было услышать: музыка непонятна?

— Можно не понимать, но чувствовать... Это необходимо человеку. Для чего же в человека человеческое-то!.. Я вот очень люблю музыку Брамса, но говорить о ней не могу.

— Почему?
— Не нахожу словесного эквивалента. Романы его —

другое дело, они имеют сюжет. Не понимаю я и Баха. Когда другие говорят и пишут о нем — все мне ясно. А сам... Наверное, так и не дорос... Не могу я ее охватить.

— Услышит нас с вами начинающий слушатель филармонического абонемента и скажет: в таком случае, зачем мне это.

— Бах — из тех человеческих вершин, которых мы всегда должны придерживаться, чтобы достойно прожить положенное.

— «Большое видится на расстоянии...»

— Рядом с нами замечательно творит Свиридов! Прекрасная музыка — глубокая, мелодичная, выразительная. А среди романсов, написанных советскими композиторами на стихи Пушкина, лучшие — свиридовские. У него вообще есть настоящие шедевры: «Роняет лес багряный свой убор...» (напеваet). «Подъезжая под Ижоры» (напеваet).

— Музыка Свиридова нравится всем, как говорится, и подготовленным, и неподготовленным слушателям. Характерно, что нравится она и молодежи.

— В том-то и дело... Сколько ни рассуждай о традиционности, о новаторстве, а прекрасное — значит, прекрасное. Когда это так, когда я соприкасаюсь с этим, у меня такое чувство, что держу драгоценную чашу, переполненную... ну, как вам сказать... чем-то для меня необходимым, жизненно важным.

— А бывали и другие ощущения от музыки!

— Я предпочитаю классику.

— Это понятно.

— В музыке некоторых современных авторов, к сожалению, чаще всего встречаешь то, что обозначается французским словом «брюизм» — «шумизм». Неуправляемые звуки. И уж если продолжать сравнивать, то тут ощущения полны нет. Скорее натужный голос насоса, который накачивает, накачивает в эту самую мою душевную чашу, и она... пуста оказывается.

— Я помню, вы всегда подчеркивали прекрасные стороны музыки.

— Подчеркивал то, что слышал и чувствовал в музыке.

— И все же восприятие музыки очень индивидуально.

— Да, но только не сразу приходит к человеку это индивидуальное восприятие. Сейчас музыка получила широкое распространение. Это несомненно. Но по-прежнему воспринимающих, чувствующих ее людей все же мало. А ведь за музыкой — я имею в виду хорошую музыку! — стоит культура. Не обкрадывайте себя!

— Краткость, смысловая

четкость, доходчивость и убедительность отличали ваши беседы со слушателями. Вы прибегали к помощи...

— ...прежде всего, к помощи своих собственных знаний, которые все время стремились пополнять.

— Например?

— Во-первых, я немало учился. Год в Государственных театральных мастерских у Мейерхольтца. Уехал в Тбилиси, где родился, откуда — в поисках себя — в Баку, в оперный театр, в помощники к известному оперному режиссеру Николаю Николаевичу Боголюбову, служившему до революции в Мариинском театре. Тогда же, в 24-м году, стал студентом Бакинского университета — сначала на историко-филологическом факультете, потом — на восточном и закончил его по кафедре истории искусств. Учился и работал. Во-вторых, книги — мои помощники. И другие виды искусств.

— Понятно, почему вы так интересно строили свои музыкальные лекции, свободно обращаясь к поэзии, живописи, истории.

— Историей был покорен с детства: недаром после гимназии отправился в Москву именно в археологический институт. Наперекор традициям семейным: отец был антрепренер, мать — оперная певица. Институт тогда закрыли, но знал историю неплохо. Помню, в туристической поездке в Румынии удивил экскурсовода своим рассказом о древней дунайской крепости, к развалинам которой мы подъехали. Историю надо было знать и для моей профессии. Прилично рисовал, особенно театральные костюмы. А хотите, я вам прочитаю стихи?

— Хочу. Чьи?

— Омара Хайяма.

— Любимый поэт?

— Да. Я вообще люблю восточную поэзию. Мудрую, жизнелюбивую, пряную.

— Прочитайте сегодня свои!

— Как вы догадались?

— Вы же писали детские сказки в стихах. «Лутонюшк» передавали по Горьковскому радио — сама слышала, ставили в кукольных театрах. Писали вы и либретто к балетам и операм.

— Хорошо, слушайте. Четверостишия.

Нас разлучила времени река —
Черна, как ночь, как море,
глубока.

Соседи мы, живем почти
что рядом,
И все же ты, как звезды,
далека.

Как видите, подражал восточной поэзии. По крайней мере, самому казалось, что удачно.

Мне говорят: «Поверь, любовь не зла!

Ведь не сожгла она тебя
до тла!»

— Ах, в этом, право,
радости не вижу,

Ведь чарами ее
я превращен в... осла!

Еще, скажу вам, я всю жизнь вел дневник. Хороший это был фактор воспитания — заставляли родители и учителя писать дневник. Это дисциплинирует, заставляет анализировать свой день, свое поведение, ставить перед собой задачи, цели.

— Я с вами целиком согласна, тем более, что дневники помогут вам восстановить в памяти примеры из режиссерской практики.

— Поставил семьдесят оперных спектаклей... В театрах Саратова, Баку, Куйбышева и Горького, конечно. Первая самостоятельная постановка — «Свадьбы Фигаро» Моцарта в Бакинской консерватории.

— Что же вам самому особенно запомнилось, что представляется наиболее интересным из поставленных в нашем городе?

— Неизгладимы в памяти военные годы. Зрительный зал в солдатской шинели. А любимые спектакли? Это, пожалуй, «Даиси» Палиашвили, «Черевички» Чайковского, «Фра-Дьяволо» Обера, «Аида» Верди, «Броненосец Потемкин» Чижко. Вообще очень люблю оперы «Борис Годунов» Мусоргского и «Князь Игорь» Бородина.

— А певцы?

— Неповторимая Валентина Викторова — Солоха в «Черевичках», Акинья в «Тихом Доне», старая графиня в «Пиковой даме». Замечательный певец Иван Струков — Борис, Игорь. Надеюсь, что многие горьковчане помнят этих талантливых артистов.

— Вы стремились к «новым интерпретациям»?

— Опера не дает особых возможностей для мудрствования. В опере есть музыка, и музыка надо повиноваться.

— Особенно запомнившиеся вам встречи — творческие, человеческие?

— С выдающимся советским режиссером Борисом Покровским. Творческая дружба с ним в стенах нашего театра. Дирижер Фуат Мансуров — эрудит, умница, незаурядная личность. Работал со многими хорошими людьми. Друзей всегда было много. И, конечно, годы общения, встреч со слушателями в концертах-лекциях — самая наполненная, самая вдохновенная, если можно так сказать, часть моей жизни.

— Спасибо вам за лекции, за музыку, за беседу.

Г. СЕЛИВЕРСТОВА.

НА СНИМКЕ: Марк Маркович Валентинов.

Фото В. ШОХИНА.